

Политическая философия христианства в античный период

Political Philosophy of Christianity in the Ancient Period

DOI: 10.12737/2587-6295-2025-9-1-86-103

УДК: 322, 348.71

Получено: 19.01.2025

Одобрено: 23.02.2025

Опубликовано: 25.03.2025

Козьякова Н.С.

Канд. полит. наук, доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», г. Москва

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

Koziakova N.S.

Candidate of Political Science, Associate Professor, Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

e-mail: nkozyakowa@yandex.ru

Аннотация

Христианская философия политики исторически включала уникальную богословскую модель, основанную на иудаизме и его представлении о единобожии, согласно которому Бог создал мир с сионистской перспективой. Цель этой статьи - исследовать политическую идею христианства как продолжение иудаизма, при этом оно одновременно теологически его опровергает. Основными методами исследования являются общенаучные методы, включающие классификацию, аналогию, индукцию и дедукцию, а также анализ и синтез. Дополнительно используются специальные методы политико-текстологического анализа и историко-политической реконструкции. Теоретическая значимость состоит в систематизации и классификации представлений о христианской политической идентичности в истории, а также в современном мире. Практическая значимость состоит в том, что результаты исследования можно использовать в преподавании курса истории политических учений, а также для разработки специальных или вспомогательных политологических спецкурсов, например, в политическом анализе всемирной истории и культуры различных стран. Делается вывод, что христианство является сложным типом религии: единство Бога в понимании иудаизма в христианстве трансформировалось в центральную идею того, что Бог единый, но при этом является Троицей, следовательно, христианская теология является специфической и оказала колossalное влияние на философию христианской политики.

Ключевые слова: Римская империя; христианская политика; катехон; христианская история; учение о царствах; империя; Византийская империя; симфония властей; цезарепапизм и папоцезаризм.

Abstract

Historically, the Christian philosophy of politics has contained a particular theological model of Christianity, representing a specific religion that was based on Judaism and accepted its basic assumption of monotheism - God created the world with a Zionist perspective. The aim of the article is to investigate the political idea of Christianity, which is a continuation of Judaism, while it simultaneously theologically refutes it. The main methods of research are the general scientific method of classification and analogy, induction and deduction, analysis and synthesis, as well as

special methods of political-textual analysis and historical-political reconstruction. Theoretical significance consists in the systematisation and classification of representations of Christian political identity in history, as well as in the modern world. Practical significance consists in the possible application of the results of the study in teaching the course of history of political doctrines and the development of a number of special political science special courses, as well as in the political science analysis of world history and culture of various countries. It is concluded that Christianity is a complex type of religion: the unity of God as understood by Judaism has been transformed in Christianity into the central idea that God is one but is also a Trinity, hence Christian theology is specific and has had a tremendous influence on Christian political philosophy.

Keywords: Roman Empire; Christian politics; catechon; Christian history; doctrine of kingdoms; empire; Byzantine Empire; symphony of powers; Caesarepapism and papocexarism.

Введение

Цель исследования заключается в анализе влияния христианских идей на политические структуры и философские концепции античного мира, взаимодействие раннего христианства с греко-романскими традициями, какие новые политические идеи оно привнесло и как эти идеи формировали общественное сознание и государственные институты того времени. Важное внимание уделяется вопросам морали, справедливости и власти в контексте христианской теологии и её воздействия на политическую мысль.

Центральной идеей христианства стала невозможная для иудаизма идея – «Слово плоть бысть», Евангелие от Иоанна (1:14) [36] т.е. Бог воплотился и стал человеком. Это противоречило любой логике иудейского богословия, но стало в христианстве основой. Иудаизм и христианство находятся в сложном отношении: Ветхий Завет принят полностью, но учение о Христе, согласно которому Бог воплотился в человека, не совместимо с иудейским богословием. Как религиозная и культурная формация, христианство, демонстрировало важную преемственность с Римской империей, это проявилось в его взаимодействии с политическими моделями, которые выработали такие великие философы античности, как Платон и Аристотель. Христианство интегрировало более приземленные и практические аспекты управления, в отличие от идеалов платонизма, где правитель-философ управлял, опираясь на высшие истины и стремился создать государство-утопию [52, с. 137].

После завоеваний Александра Македонского Римская империя стремилась реализовать лучшие аспекты аристотелевской политики, включая установление позитивной монархии и появление титула императора, также называемого понтификом - аналогом современного Папы Римского [26, с. 57]. Этот термин можно интерпретировать как своего рода «создатель моста», объединяющий мир богов и людей. Как священный царь, император-понтифик в структуре власти Священной Римской империи занимал собственное уникальное место. Он был олицетворением глубокой связи между землей и небом, жизнью и смертью, богами, ангелами, и людьми. Это был духовный вождь, который в поддержании гармонии между миром земным и небесным осуществлял важнейшую роль, а не только политический лидер.

В иерархической структуре древнеримского общества следующий уровень власти представлялся аристократией, т.е. группой входивших в состав Римского сената высокопоставленных граждан – патрициев. Эта сословная элита играла ключевую роль в политической жизни Рима и служила своеобразным «constituting» вторым слоем модели власти, обеспечивая стабильность и преемственность управления. Подобно тому как монарх противостоит тирану, аристократия противопоставлялась олигархии.

Невозможно не упомянуть и о народе Рима (*Populus Romanus*) - римской политии, который поддерживал или свергал императоров, в ряде случаев вступал в противоречие с рядом аристократических родов, а в значительных ситуациях выступал в качестве политической инстанции [20, с. 109].

Обзор научной литературы

Обзор литературы по данной теме необходимо начать с истоков, для чего необходимо обратиться к трактатам античных авторов. Граждане Рима обладали правом организации форм самоуправления, в отличие от классической демократии, оно имело основу в системе квалифицированного большинства, данное отличие стало ключевым аспектом римской политической системы. В ней право голоса и принятия решений учитывало более сложные механизмы, а не ограничивалось прямым большинством. Это позволило создать баланс между различными слоями общества, так как римская система управления сочетала элементы представительства и элитизма.

Как один из величайших философов Древней Греции, Аристотель уделял значительное внимание анализу различных форм правления. В зависимости от размера территории и населения, он пытался определить оптимальные условия для их функционирования и формулировал собственные идеи о положительных формах правления, связав их с политической структурой и территориальными размерами [3, с. 46]. Во главе Римской империи стояли римские императоры - монархи, занимавшие на протяжении многих веков центральное место в социальной и политической жизни государства. В то время как в небольших поселениях преобладала полития, служившая основой качественного самоуправления римского народа (*Populus Romanus*), аристократия находилась на более низком уровне [32, с. 26].

Ряд авторов также исследовали взаимосвязь христианской религии и политической науки. Одним из ранних исследователей является святой Августин, чьи труды, такие, как «Град Божий», анализируют роль христианства в обществе и политике. Современные учёные, например, как Эдвард Гиббон, также внесли вклад, охватывая тему падения Римской империи и влияние христианства на политические изменения. В XX в. исследования продолжились с работами таких авторов, как Гарольд Блум и Рене Генон, которые анализировали христианство в контексте античной философии. Кроме того, исследования современных философов - Чарльза Тейлора и Джона Миллбанка, помогают понять, как христианские идеи формировали политическую мысль и поведение в античный период. Эти работы подчеркивают сложность и многогранность взаимодействия между христианством и политической философией в античности.

В разные времена концепция интерпретировалась по-разному, но в классическом православном, равно как и средневековом католическом мировоззрении она стала основополагающей базой для христианской философии политики. Какое значение имеет понятие «удерживающий»? В переводе с древнегреческого языка «катехон» (греч. «ὁ κατέχων») обозначает «удерживающий» или «поддерживающий», следовательно, он открывает нам интересные аспекты не только его значения, но и применения. Он часто использовался в богословской и философской мысли, особенно в контексте обсуждений о власти, контроле и значении удерживающих сил в обществе. По всей видимости, данный термин, стал источником происхождения названия «катакомбы», т.е., подземных захоронений, которые часто использовали ранние христиане для погребения, а также собраний и укрытий. «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего» (2 Фес.2:7).

Вышеуказанный термин обозначает - « тот, кто имеет под собой», либо « тот, кто руководит», а также « тот, кто обладает», подобное понимание связано с понятием «держава». Оно подразумевает духовную власть над миром, а не только физическую и в контексте христианской эсхатологии термин принимает особое значение. Он трансформируется в концепцию, которая подчеркивает контуры космической борьбы между светом и тьмой, добром и злом и последовательностью событий, предшествующих перед Апокалипсисом. Обрамленное ожиданием конца света, Христианское мировоззрение должно сфокусироваться на последовательности событий. Согласно указанному сценарию, антихрист появится сначала, чтобы создать видимость своей власти и испытать веру человечества, но в

данный период накопится большое количество недугов и страданий. В конечном итоге люди осознают необходимость в истинном спасении и после периода антихриста за ним последует Второе пришествие Христа, т.е. установление Божией справедливости на земле и окончательная победа над злом.

Методы

Основу исследования составляют историко-политологический подход, который включает элементы политологической компаративистики, когнитивной историко-философской реконструкции, текстологический анализ, конкретно-исторический анализ, а также историко-политологический подход, включающий элементы системного анализа. Было установлено, что ранее христианское общество, не имело политического измерения, но несмотря на это, изменило свою природу и дало миру учение, обладающее политическим контекстом. Политическое измерение имеет основу в самой сути философии, например, из учения Платона произошло платоническое учение о государстве, теории Аристотеля стали фундаментом его учения о политике, аналогично из сути христианской религии и богословия произошел политический компонент [18, с. 43].

Результаты исследования

Христианским историческим положением является Второе пришествие Христа, первая община была основана в его эпоху и формировалась на основе равенства [39, с. 106]. На тот момент хотя она и не являлась политической системой, однако, была полностью осмысленной организацией социума (в соответствии с посланиями апостола Павла). Именно им были высказаны те взгляды на христианство, в котором оно продолжит существовать после того, как станет быть известным и распространится во всем мире. (Деяния, 1:8). Пророчество об «удерживающем» теперь является источником всей дохристианской истории, его толковал Иоанн Златоуст, но данная традиция существовала ранее. В 313 г. император Константин Великий издал декрет о веротерпимости к христианам, в последующем объявив христианство государственной религией Римской империи [28, с. 152]. Апостол Павел, живший в I в., тогда как понимание воцерковления империи возникло лишь в IV в., т.е. им был дан пророческий прогноз (примерно за 300 лет до вышеуказанных событий) о изменении катакомбной природы христианства.

Христианское общество в период возникновения не имело политического измерения, однако, со временем оно становится вероучением с политической сущностью. Любая философия содержит в себе имплицитное политическое измерение, вытекающее из самой ее сущности [23, с. 534]. В тот момент, когда христианские общины были гонимыми, у них отсутствовала политическая составляющая, но ориентиром для них служило послание апостола Павла, указывающего на загадочного «удерживающего». Позднее он был интерпретирован в качестве Римской империи и римского императора, который примет христианство. Это было пророчество, которое реализовалось в будущем, когда из христианского контекста произошла редкая политическая составляющая - понятие «удерживающего», которая стала генезисом политической философии христианства [22, с. 66].

Послание апостола Павла объясняет природу христианского мира: в период генезиса христианство – Римская империя, которую можно было квалифицировать в качестве политического аристократизма в оптимальном и позитивном виде, приняла Христа и должна была стать мировым образцом. Как и во многих других монархиях, в римской истории были периоды, деградации власти до демократии или олигархии, но нормативным идеалом, к которому стремилась империя, была позитивная модель аристотелевской политики, которая в будущем имела характеристику провиденциализма [2, с. 254].

Предполагалось, что Римская империя должна была стать христианской, так как она создавалась для рождения Христа, в ее задачу входило выполнение важной религиозной функции. Римская империя после принятия христианства исполнила данную религиозную

функцию, но юридически она была оформлена иным образом и была аналогична роли, которую исполнял понтифик в языческом Риме [16, с. 46].

Смысл идеала христианской империи, связанной с непростым процессом прихода антихриста состоял в политическом государстве. Согласно христианскому учению, катехон олицетворял собой силу, сохраняющую порядок и стабильность в мире. В контексте Римской империи он ассоциировался с императором, действовавшим в качестве гаранта общественного мира и защиты веры. Символизируемая державой императорская власть, отражала высшую власть, которая предотвращала хаос в обществе и удерживала зло, в пророчествах иудейской традиции существовало учение о четырёх царствах. Римская империя была последней из них, а четыре царства представляли Вавилон, Персию, Грецию, или царство Александра Великого и Римское, имевшие свою природу и соответствующие определённым металлам символы. Первое царство - Вавилон, ассоциировался с золотом, это подчеркивало его блеск и величие. Персия олицетворяла серебро, это указывало хоть и вторичное, но значительное влияние. Философское и культурное наследие Греции соответствовало бронзе, а Рим стал символом военной мощи, силы и строгости.

Император играл двойственную роль, в данном учении об империи, так как выступал не только как царь царей, но и в качестве священника. Это было важным концептуальным разделением, подчеркивающим не только политическую, но и духовную власть императора, воспринимаемым народом в качестве посредника между Богом и людьми. Здесь император символизировал единство и мощь, при помощи совмещения как светской, так и сакральной власти [17, с. 425]. Божественная империя, благодаря своей священной сути, стала объединением не только различных политических форм, но и отдельных народов, княжеств, государств.

Примером здесь является царь Ирод в Римской империи, который одновременно правил над Израилем, имеющим собственного царя, подчиняющегося в определенных вопросах руководителю данных провинций – прокуратору Понтию Пилату. Таким образом, для Рима это была провинция, а для иудеев – интегрируемое и не противостоящее Империи царство [21, с. 425]. Империя также могла включать в себя царство с царями, или ставить своих представителей, при этом царство и государство сохранялись. Это фундаментальное явление, или обобщающее сверхгосударство, об этом говорилось в упоминаемом нами послании: не просто государство и глава государства являются удерживающим с точки зрения апостола Павла, как его толковала классическая христианская мысль, но именно христианский римский император является удерживающим. Это носитель Римского царства – с точки зрения христиан, Римское царство четвертое, другого не будет, это последнее царство и поэтому христианский Римский царь является истинным удерживающим, т.е. тем, кто препятствует приходу антихриста, здесь идея царства становится дополнительным христианским элементом, интегрирующимся в христианское вероучение и возникает христианство [10, с. 31].

С христианской перспективы единственным легитимным образованием и политической структурой для христианина является христианская Римская империя. Данное легитимное государство и правильная политика, таким образом, то, что не является Римским государством, не является законным, против этого христиане должны выразить свое несогласие, или восстать, так как с точки зрения христианина жить необходимо только в христианской Римской империи, а те, кто живут вне христианской Римской империи, находятся в неадекватной социально-политической системе. Они могут там оказаться помимо собственной воли, но при этом должны стремиться к ней, либо противостоять давлению. Христианская Римская империя – это законодательная норма и политическая родина христианина [38, с. 175]. Христианская политическая философия прямо связана с нормативным, общеобязательным, идеальным представлением о Священной Римской империи, в ее основе располагается принцип об удерживающем, который препятствует приходу антихриста, следовательно, после того, как согласно христианской эсхатологии, падение Рима станет предвестием прихода антихриста [9, с. 126] Особое внимание в

христианской эсхатологии уделяется понятию катехона, т.е., «удерживающего» зло и следящего за порядком. Антихрист предсказывается фигурой, возникающей в критический момент, когда катехон будет взят от среды, согласно основанной на библейских текстах и учениях отцов Церкви традиции. Согласно данному предположению, наступление эпохи антихриста будет связано с устраниением или исчезновением императора, символизирующего стабильность и власть, а также с прекращением существования империи, обеспечивающей порядок в обществе. С точки зрения христианства, это политический антихрист, т.е. альтернативное движение, которое противостоит Империи и данная политическая философия уничтожит существующую имперскую организацию. Носитель политической философии это противник империи [11, с. 109] и с позиций традиционного христианства это антихристианство. Падение Рима прекратит существование Римской империи и в дальнейшем исключит существование катехона, играющего ключевую роль в понимании легитимности политических систем. Согласно христианскому учению, когда он будет устраниён, то откроется путь для наступления хаоса и прихода антихриста. Данный сценарий особое внимание уделяет тому, что не поддерживающая имперскую модель и не основанная на принципах христианства, политическая система будет нелегитимной для настоящего верующего.

Таким образом, возникшая во время существования христианской Империи, активная форма политического антихриста является многогранным и сложным феноменом, включающим в себя различные и часто противоречивые идеологии. На религиозном уровне христиане обязаны противостоять антихристу, так же как и на политическом уровне должны противостоять политической философии антихриста. Если мы живём не в Империи и не в христианской империи, значит, мы находимся после её исчезновения, то есть после того, как катехон (удерживающий) был взят от среды. Политический руководитель страны, кроме православного императора, становится ставленником дьявола, левиафана и носителем абсолютного зла. Философию дьявола или антихриста представляет собой политическая система, построенная вокруг антихристианского монаха, который не является христианином. Это контекст христианской политической философии и структура всеобщего фрейма.

Несмотря на то, что римский император Константин, был язычником, в 313 г. он издал Миланский эдикт, смягчающий гонения на христиан, после чего их стали воспринимать иначе. Христианство было провозглашено государственной религией, следствием чего гонения на христиан стали под запретом, а христианство трансформировалось в государственную религию, несмотря на то, что формально столица оставалась на территории Римской империи, император перенес ее в Византию [50, с. 49-64]. В дальнейшем катехоном становится удерживающий, т.е. император Константин Великий, христиане ждали этого и во Втором послании к Фессалоникийцам апостола Павла, содержатся важные пророчества о концах времен и приходе Антихриста. Апостол предупреждает о том, что прежде чем наступит день Господа, должен явиться человек греха. Это противник, который будет обогащаться за счет духовного падения человечества и восставать против Бога. Пророчество стало предвестником событий, которые, по мнению многих христианских историков и богословов, стали сбываться с момента падения Западной Римской империи. После того, как установилась Православная христианская Империя, имеющая базис в Римской традиции, возник Константинополь – новая столица, которую основал император Константин Великий. Переходя от одной формы империи к другой, он стал символом новой эпохи, Западная Римская империя распалась, но Византийская, или Восточная Римская империя, продолжила свое существование, сохранив древнюю веру, законы и традиции. Константинополь стал важнейшим оплотом против сил зла, которые стремились нарушить установленные Божьи порядки, центром христианского мира и новым Римом.

Это была та же самая Римская империя, т.е. четвёртое царство, а не новое царство, поскольку после Рима ничего не существует [27, с. 85]. С точки зрения христианства, последней империей железного века, является Римская империя - самая трудная, тяжёлая и жёсткая.

И одновременно она становится основой прихода в мир самой высшей истины в лице христианства, таким образом, Римская и Византийская империи, в начале объединяли Восток, Запад, Италию и Грецию – огромные территории, которые были до этого завоёваны. Начинают отделяться западные римские провинции и контроль новой столицы, или Нового Рима, постепенно теряется [35, с. 324]. В политических судьбах двух частей христианского мира возникают различия. В восточной части Римской империи, которая в будущем будет называться Византийской империей, утверждается учение о Риме, императоре, катехоне и православной империи. Здесь были сформированы политическое учение о том, что православный император выступает в качестве источника препятствия приходу антихриста и священной фигурой, а также нормативной симфонией властей [37, с. 18].

Это не только царь, или светский правитель, он является главой священного государства. Христианская империя священна, ее возглавляет патриарх, т.е. глава церкви, в истории также были случаи нескольких патриархов. Некоторые патриархи поместных церквей были с самого начала самостоятельны, как антиохийский патриарх или патриарх Иерусалимский, совместно с константинопольским патриархом [43, с. 156]. Главный смысл заключался в том, что правление императоров в Византийской империи основывалось на принципе сотрудничества с церковной иерархией, ставшее основой симфонии властей, т.е. гармоничного взаимодействия между имперской и церковной властью, не только сосуществовавшей, но и дополнявшей друг друга, итогом чего стало формирование уникальной политической модели. Важность союза с Церковью как для укрепления своей власти, так и для стабилизации общества, осознавали византийские императоры и в Византии главой церкви был патриарх Константинопольский, в сотрудничестве с императором представлявшим интересы как имперские, так и религиозные. Данное сотрудничество было основано на понимании того, что светская власть через духовные институты углубляет свою легитимность. Как духовный, так и политический лидер, император воспринимал себя как служителя Божьего дела, а не только как правителя народа. Следовательно, любой акт политической жизни приобретал дополнительную глубину, так как освящался христианской верой [44, с. 351]. Государство и церковь здесь могут рассматриваться не как независимые сферы, а единое целое, где каждая из сторон выполняет свою уникальную, но при этом взаимодополняющую роль и когда церковь становится неотделима от государства, то утверждается новая парадигма. В ней политические институты превращаются в нравственные инструменты, это не только рациональные механизмы управления. В таком контексте государство влияет на духовное состояние общества, формируя моральные ориентиры, а не просто управляет населением. Здесь правитель становится моральным лидером, несущим персональную ответственность за нравственное состояние своего народа, а не только руководителем. Он сдает своего рода «технический экзамен», состоящий из сложных задач, регламентированных законодательством и жестких требований управления. Также правитель сталкивается с глубокой дилеммой – как сделать выбор между добром и злом? Это становится критически важным, так как определяет судьбу общества в целом, а не только его легитимность как власти. В данной концепции хороший правитель – это тот, кто хорошо правит, потому что он свят, а плохой правитель – это не только неудачный технический управленец, это грешный правитель, так как если он плохо правит в святом государстве, следовательно, он грешник, а не просто неудачник или эгоист, так как здесь всё подвержено духовно-нравственной стихии. В этой священной православной империи идея святой политики сохраняется в первозданном виде на востоке Римской империи после императора Константина [4, с. 32].

А что происходит на западе? Начиная с X в. в Византийской империи становятся автономными западные земли, т.е. они отклоняются и отделяются от столицы империи (т.е. центра) Византии, осуществляется завоевание языческими (германскими, гуннскими, венгерскими) народами Западной Римской империи [12, с. 170], которая распадается под напором варваров, устанавливающих на её территории другую политическую формацию. Тогда как Восточная Римская империя остаётся единой, Западная была разделена на части [13, с. 42], в каждой из которых правят свои наместники – короли, герцоги и местные вожди.

Данные локальные правители обладали значительной автономией и выстраивали собственные политические структуры, при опоре на традиции, существовавшие задолго до прихода христианства. Это приводит к значительным различиям в управлении и политической культуре на территориях, которые некогда были частью великой империи. В западной части Римской империи нет единого императора и многие народы, вернее, их правящие элиты, только номинально признают власть центра Византийской империи - Константинополя. На практике они стремились утвердить свои интересы и автономные решения, создавая при этом политические системы, основанные на традициях и местных обычаях. Но данное легкое признание власти Византии не повлекло за собой реального влияния на жизнь и управление в указанных областях [48, с. 20].

В Западной Римской империи единство обеспечивал не император, который поддерживал связь и гармонию с Восточной Римской империей, а Папа Римский, не обладающий светской властью и не являющийся политическим лидером, а выступающий только в качестве религиозного авторитета. Он стал гарантом единства западно-христианских территорий, которые были на тот момент разрознены и разделены между различными царями и правителями. Это стало созданием основанной не на идее «святой политики», как в Византии, а на иной основе новую политическую модель, предпосылки которой находятся в произведениях Аврелия Августина Блаженного, жившего в Северной Африке в IV-V вв. В работе «О граде Божьем против язычников» (413-427 гг.) он развел концепцию, где вместо идеи аристотелевской идеи империи представлена напоминающая философские взгляды Платона более сложная политика. Он сформулировал доктрину о «земном и небесном градах», находящихся в постоянной конфронтации друг с другом. «Небесный град» олицетворяет собой идеал (т.е. град святых), тогда как «град земной» выступает символом вселенского зла. Вышеобозначенная концепция стала предтечей политической философии, отличавшейся от «святой византийской политики», где при исполнении своих религиозно-политических функций, религиозное и политическое, святое и материальное слиты воедино. Здесь существует четкая оппозиция между небесным и земным градом. Идеальному и святыму небесному граду противопоставляется полный греха и порока земной град. Подобный подход подчеркивает факт, что между двумя градами отсутствует то единство, которое было в Византии.

Учение Августина Аврелия выступает основой политической системы, ставшей известной в качестве политической философии, преобладающей в ранние века распространения христианства. Она постепенно видоизменяется после распада Западной и Восточной частей Римской империи. Если западная традиция развивалась под влиянием новых исторических условий, то в Византии первоначальная христианская политическая философия продолжала существовать в своем первоначальном виде, сохранив основные идеи о единстве государства и церкви. Византийская политическая философия имела базис на синтезе духовной и светской власти, здесь государство и Церковь были связаны неразрывной нитью, а идея «града святых» определяла как религиозные, так и политические аспекты жизни. Но в западной части Римской империи отношения между государственной и церковной властью стали меняться, что стало началом формирования новой философии, которая была основана на их оппозиции и разделении [1, с.85]. Здесь Папа Римский стал выразителем небесного града святых, выступив в качестве инстанции, отвечающей за идеологическое и культурное единство Западной Римской империи [30, с.34]. Захват власти языческими князьями и возникновение их политических форм привели к тому, что они стали представлять собой «град земной». Эти изменения знаменовали собой новую эпоху, когда католическая церковь начала противостоять варварским политическим объединениям, что в конечном итоге выразилось в идее борьбы за сохранение христианского единства. Единый христианский мир, который ранее носил название христианской ойкумены, разделился на две политические философии, первая являлась основополагающей философией, продолжавшей свое существование в восточной части Римской империи и Византии. Вторая постепенно укоренилась в Западной

Римской империи и отражала не только политическую, но и культурную реальность, где церковь и светская власть все более противопоставлялись силой.

Остатки имперской политики сохранились после раскола, при императоре Петре I (1672-1725 гг.), который был первым, кто так называл себя вместо привычного «царь» [6, с. 465]. В данный исторический период император перестал быть таковым в полном смысле слова – священным. До советского периода Российской Империя являлась носительницей идеи империи как миссии русского государства и царя, это имеет глубокие корни в православной традиции и исторической практике. Начиная с момента крещения Руси в 988 г., русское государство воспринимало себя как хранителя христианских ценностей и защитника православной веры. Здесь концепция охватывала как политические, так и религиозные аспекты, создавая уникальный синтез, где царская власть является не только светской, но и божественной. Подобная модель христианской политики существует и сегодня, но не в своей первоначальной исторической форме. Для христианина единственной легитимной формой политического существования являлась христианская Империя, идея не изменилась. Можно предположить, что данный тезис неверный, в таком случае это будет политика, которая приходит после гибели империи, здесь примером является католичество. Они отказались от империи, утвердили Папу Римского и данный политический антагонистический платонизм стал нормативом, главной инстанцией, а значимость подобной нормативной имперской модели – гораздо меньшей. В современном католицизме основным является подчинение Папе Римскому, отсюда происходит идея другой политической системы: не имеет значения, где находятся те или иные христиане, важно, чтобы они подчинялись Папе Римскому, который должен ставить епископов, отсюда возникла идея униатства, а в дальнейшем грекокатоличества – верующие служат согласно православному богослужению, но при этом подчиняются Папе Римскому. Сущностью политической философии католицизма является подчинение Папе Римскому, так как это главная фигура западного христианского мира. Таковым он был и в периоды отсутствия политического единства, например, в ранней западной Римской империи. Любые идеи разделения церкви и государства с этой точки зрения считаются антихристианскими, в то время, как политический модерн имеет фундамент собственной философии в отрицании священного характера империи.

В связи с тем, что существует установленное политическое учение, то это противоестественная форма государства с точки зрения христианства. К возникновению новой политической христианской философии – протестантизма привела Реформация, начавшаяся в XV в. Возникнув внутри западной церкви и находясь в отношении к католицизму в оппозиции, критике и диалоге, в истории христианства данное позднее западное явление стало своего рода «финалом». Для протестантизма Византия и Православие представляют собой антитезу католицизму внутри западного христианства и не имеют значения. Что здесь может противопоставить протестантская политическая философия? Протестанты не принимают положения о Папе Римском как духовном главе западного христианского мира, это различает их подход к религиозной власти и этике от католиков, для которых Папа это высшая духовная инстанция своей ортодоксальной политики. Этот отказ от папской власти также подразумевает критическое отношение протестантов к идеям политического платонизма и учения Блаженного Августина. В результате, протестантизм вводит в историю христианства новую модель политической системы, центром которой становится индивидуум. В рамках западной христианской церкви данная новая модель приводит к обоснованию учения о демократии, однако, согласно Аристотелю, это рассматривается как худший тип правления [42, с.28]. Здесь в качестве примера можно привести церковную демократию, отрицающую традиционную передачу апостольского благословения, роль священников, монашество и безбрачие – все священные компоненты, которые сохраняются в католицизме и православии. В протестантской традиции горизонтальная религиозность развивается из вертикальной модели, где существует трансцендентный креационистский Бог, а индивид строит с Ним свои индивидуальные отношения, игнорируя «промежуточные» звенья, такие как церковь и духовенство. Такой подход ставит на первый план человеческий разум, индивидууму

предоставляется возможность самостоятельно утверждать, что является правильным, а что – нет, в отличие от православных и католиков, которые полагаются на помощь церкви в вопросах учения и моральных ориентиров. Это приводит к значительным изменениям в сфере нормативной христианской философии в политике, где отсутствует священная политика папоцезаризма или цезарепапизма, а также платоническая религиозная политика. Политическая философия протестантизма формирует новый контекст, в котором не только отрицаются традиционные авторитеты, но и пересматриваются основы взаимодействия между религией и политикой. Это движение в сторону индивидуализма и личной веры создает пространство для новаторского подхода к пониманию власти, ответственности и свободы совести, что на практике, однако, также ведет к вопросам о границах этой индивидуальной свободы и о месте общины в религиозной жизни.

В этом заключается новизна - идея построения общества полностью снизу, т.е. возможная организация общества по Аристотелю – демократия, либерализм, но это худшая модель. Каждый индивидуум свободен в своем мнении, что он самостоятельно может видеть Бога, историю, церковь и так далее. В рамках протестантизма возникла своеобразная «религиозная революция», направленная против традиционного авторитета церкви как обладающей апостольской преемственностью общины избранных. Это движение появилось в XVI в., стало реакцией на коррупционные схемы, практики и догматы в католической церкви, воспринимавшиеся как не соответствующие истинному христианскому учению. Таким образом, христианин это тот человек, который опирается на разум и имеет собственное мнение, следовательно, данная религия содержит независимую от католической, византийской и римской, византийской и католической традиций новую политическую философию и противостоит церкви, католической мессе, католицизму и Папе Римскому. Протестантизм занимается самоорганизацией отдельных индивидуальных групп, например, современная Швейцария является борющейся с империей государством без иерархии. Отказываясь от политического аристотелизма и платонизма, протестантизм во всех формах начинает борьбу с католической церковью и империей. Это восстание против аристократии, священства и клира, или низших слоёв общества - черни, плебса, против политической элиты и квалифицированного большинства. В возникновении новой политической философии, являющейся продуктом протестантской религиозной мысли, заключается сущность протестантской этики и буржуазной революции. Результатом данного процесса стало возникновение в протестантской Европе буржуазии и капитализма. Таким образом, политическое измерение имеют как религия, так и политическая философия, протестантизм, как важное религиозное явление, включает в себя идеи антиимперской и антицерковной демократии. В отличие от традиционных церковных моделей, где решения принимаются на основе иерархической структуры, в протестантских общинах акцент смещается на индивидуальное мнение каждого члена общества, что создает уникальную динамику, в которой личная вера и интерпретация Священного Писания становятся основными факторами в принятии решений. Следовательно, монарх, аристократия и полития могут и должны действовать в гармонии, являясь при этом частью самоуправления или управления сложной политической системой. В версии Аристотеля, всё строится наоборот - снизу-вверх: вместо монарха - тиран, аристократов - олигархи, народного большинства - индивидуальные отдельные граждане.

Подводя итог, можно сделать вывод, что существуют три версии христианства - православие, католичество и протестантизм, имеющие следующие направления политической философии - протестантской, католической и православной. Четвертым направлением в контексте религиозной и политической философии является концепция государства, отрицающая христианство и отделяющая церковь от государства. Это направление, в корне отрицающее традиционные христианские ценности и моральные установки, можно рассматривать как проявление политической философии антихриста. В таком государственном устройстве происходит разрыв между духовной и светской жизнью, что создает опасную аномалию в обществе.

Выводы

Если рассмотреть две модели – традиционную христианскую политическую философию и современное государство, отрицающее христианство, - с точки зрения философских политических парадигм Аристотеля, то можно отметить ряд значительных различий и параллелей. Идея Римской империи изначально была заложена на Востоке, а в Западной Римской империи со временем установился дуализм, где образы копировались и противопоставлялись. Резкое противоречие между градом небесным и градом земным, предполагает дуалистический платонизм, который между реальностью и идеалом представляет манихейскую дуалистическую оппозицию. Это сформировало в истории две различные модели - цезарепапизм и папоцезаризм [24]. Цезарепапизм и папоцезаризм представляют собой две противоположные модели взаимодействия религии и власти, которые развивались в контексте христианского мира в ранние века. Византийская модель цезарепапизма утверждает, что император является не только светским правителем, но и духовным началом, удерживающим мир от хаоса и наступления антихриста. Император в этом контексте выполняет роль защитника веры и общества, обеспечивая гармонию между земной и небесной властью. Он олицетворяет единство политической и религиозной функций, где светская власть основывается на божественном даре. В противоположность этому, папоцезаризм, который преобладал в Западной христианской традиции, акцентирует внимание на светском характере политической власти. Здесь любой политический деятель считается не только светским, но и иногда даже греховным, что указывает на необходимость строгого разделения церковных и светских полномочий. В этой модели высшей духовной и моральной инстанцией выступает Папа Римский, чья безгрешность и божественный мандат делают его верховным авторитетом в вопросах веры и нравственности [45, с. 54].

Существовало несколько патриархов, это не вызывало разногласий: Папа Римский - патриарх западной части Римской империи, константинопольский патриарх – восточной части, Иерусалимский и Антиохийский патриархи, но при этом император был один в Константинополе. У византийского императора были свои короли и князья внутри Византийской империи, а также независимые правители на западе, но Римская империя существовала. Императрицей Восточной Византии стала Ирина (752-803 гг.), личность, оставившая значительный след в истории, как первая женщина, занявшая престол в Византии. В это же время на западе, в рамках Каролингской династии, стал заметен яркий лидер – Карл Великий (742/748-814 гг.), который превратился в объединителя разрозненных земель светских властителей Западной Римской империи [31, с. 24]. Карл Великий осуществил серию успешных военных кампаний и реформ, которые способствовали укреплению единства западных европейских территорий и формированию основ для будущей Европы. Его правление стало временем значительных изменений, когда феодальная система начала постепенно укореняться и развиваться. На фоне этих событий в Византии сформировалась более слабая династическая модель. На протяжении предыдущих лет империя переживала смуты, внутренние конфликты и борьбу за престол, что указывало на нестабильность политической ситуации. Периоды смятения и ересей подрывали династическое единство и ослабляли позиции императоров. Ирина, несмотря на свою роль, также сталкивалась с вызовами, включая столкновения с оппозицией и внутренней борьбой за власть. В Византии формируется слабая династическая модель, так как до этого происходили смуты, борьба за престол и ереси. В связи с тем, что в Византии были, смуты, ереси и борьба за престол, там возникла слабая династическая модель. Но когда Восточную империю возглавляет женщина-император, то Западная, бывшая до этого момента разрозненной частью Римской империи, начинает объединяться, это происходит в рамках номинально общей империи. В тот момент Карл Великий решает стать императором новой единой империи, самым простым способом для этого является брак с императрицей Ириной, но она не дает согласия. В истории христианского мира ключевым моментом стало обращение короля к Папе Римскому, который производил помазание на царство, отождествляя светскую власть с божественным даром. Эта традиция имеет свои корни в Восточной Римской империи, где

помазывание византийских императоров служило символом их божественного мандата и легитимации власти. Императоры в Константинополе принимали корону с рук духовных лиц, что подчеркивало их роль как наместников Бога на земле [25, с. 45].

Параллельно своему коронованию и утверждению на императорском троне, Карл Великий активно занимался вопросами, касающимися теологии и религиозной практики в Западной церкви. Одним из значительных событий этого периода стало добавление к Никео-Константинопольскому Символу веры слова «и от Сына», что относилось к учению о происхождении Святого Духа. Это дополнение, известное как Филиокве, стало предметом глубоких разногласий между Западной и Восточной церквями. В православной среде это вызвало протест, так как третье лицо Святой Троицы исходит от Отца с точки зрения изначальной модели [15, с. 511-522]. Здесь необходимо отметить, что в определенных версиях писалось «от Отца и от Сына», потому что было много различных толкований в связи с тем, что Рим был глубокой провинцией, латинская Западная Европа была варварской Европой, а Восточная Европа была культурной Европой. Там находилась Греция, славянский мир был центром цивилизации, а Западный мир - периферией, так как там жили люди, плохо понимающие письменность, тем более, на греческом языке.

Стоял отдельный вопрос перевода на латинский, который в отличие от греческого, не обладал богатством смыслов и оттенков. Введение Филиокве в Символ веры после коронации Карла Великого как императора сыграло ключевую роль в формировании новой религиозной и политической реальности в Западной Европе. Это дополнение, утверждающее, что Святой Дух исходит «и от Сына», не только изменяло традиционный текст Никео-Константинопольского Символа веры, но и стало основой для новых конфликтов между Восточной и Западной церквями [8, с. 82]. После появления двух императоров возникла идея узурпации, данный момента стал началом этапа глубокого раскола между западным и восточным христианством. До IX века номинально был один император и одна церковь, это была единая цивилизация несмотря на то, что в значительной степени по-разному складывались социальные, духовные, религиозные и политические процессы, но идеал был один. Западная часть империи и Карл Великий, узурпировавший титул, воспринимали это как восстановление Священной Римской империи германской нации, т.е., с точки зрения греков-византийцев это была узурпация, так как византийцы были греками. Но с точки зрения немцев и Карла Великого, это была форма утверждения оптимального нормативного христианского политического принципа.

В дальнейшем между двумя политическими партиями западнохристианского мира - гвельфами и гибеллинами, происходили серьезные столкновения внутри католического мира [33, с. 128]. Императорская партия, следовавшая за идеей императорской политики, называлась гибеллинами, а те, которые обращались к модели папоцезаризма, назывались гвельфами – это была папская партия, между ними в итальянских, германских княжествах и Европе, были фундаментальные столкновения. В результате победу одержало классическое католичество в лице гвельфов, несмотря на то, что германские императоры, вплоть до династии Гогенштауфенов (1138-1254 гг.), существовали в Средние века, даже поздние императоры Австрийской империи, т.е. до начала XX в., донесли данную идею императора, так как глава Австро-Венгрии был императором, т.е. последователем этого статуса [34, с. 78]. В начале IX века произошла узурпация императорского статуса Запада и возникло две империи, таким образом, Византийская империя продолжала существовать, в первоначальном виде, т.е., ещё до того, как она стала Византийской, но это была христианская Римская империя, а Запад стал отдаляться дальше. В 1054 г. церковь окончательно разделилась, в дальнейшем за этим последовала эскуссоммуникация. Восточные христиане стали называть западных еретиками, а западные восточных - раскольниками [46, с. 26].

С момента коронации Карла Великого в 800 году и введения Филиокве в Символ веры, христианский мир окончательно разделился на две политические идентичности: католическую и православную. Эти две ветви христианства унаследовали не только культурные и религиозные отличия, но и разнообразные политические модели, которые

продолжали оставаться доминирующими в своих частях мира. В то время как католическая модель, представленная гвельфами, акцентировала внимание на власти Папы и светских правителей, православная традиция продолжала опираться на изначальный византийский, цезарепапистский принцип, в котором духовная и светская власти были тесно связаны [47, с. 33]. Политический платонизм, который рассматривал мир как арену борьбы между земным городом и градом святых, стал антагонистическим и дуалистическим, отражая различия в понимании роли власти в обществе.

Православная политическая философия сохранялась в восточном христианстве до конца Византийской империи в 1453 г., когда Константинополь был завоеван турками и основание Османской империи положило конец тысячелетнему византийскому порядку. Это событие ознаменовало историческую точку, после которой православная традиция оказалась в условиях новой реальности, подчиненной новому политическому и культурному контексту. В то же время католическая политическая философия, с акцентом на папскую власть и светское управление, предопределила структуру западной церкви. Именно католицизм стал двигателем социального и политического развития в Западной Европе, что привело к созданию новых государств и формированию уникальных политических моделей [14, с. 18].

Концепция третьего Рима, включающая Москву, Тырново и Тырговиште, а также Косово, появилась у тех православных народов, которые на тот момент еще не находились под властью турков [51, с. 75]. Главной идеей, которая пронизывает концепцию четвёртого железного Римского царства, является мысль о том, что история Римской империи не завершилась с падением Западной Римской империи в V веке, а продолжила свое существование через различные формы и трансформации. В этом контексте первый Рим олицетворял дохристианскую Римскую империю, которая, достигнув пика своего могущества, задала многие основы политической и культурной жизни Европы.

Великий православный румынский христианский монах Стефан Великий (1433/1440-1504 гг.), воевал против османов, но из-за предательства венгров не смог взять Константинополь [41, с. 113]. Была завоевана Болгария (Велико-Тырново), а в дальнейшем Косово и Сербия, т.е. центр сербской государственности, представлявший огромную империю, они также утратили самостоятельность. Среди существующих в тот момент православных стран только одно государство сохранило Православие – Московская Русь. В условиях политической и военной нестабильности, которые возникли после падения Константинополя в 1453 г., Русь стала не только защитницей Православия, но и потенциальным преемником Византийской империи. [5, с. 22].

Как и Третий Рим, Москва приняла на себя не только обязательства по сохранению православной веры, но и формирование нормативной политической системы, основанной на наследии Византии и традициях русской государственности. Она стала носительницей миссии катехона, оно автоматически экстраполировалось на неё. На некоторых древних русских церквях находится изображение Аристотеля, что служит дополнительным доказательством данного факта, так как он считается создателем политической теории Священной Римской империи [40, с. 78].

Москва становится третьим Римом, а русские цари – императорами – при Иване III Васильевиче (1462-1505 гг.) происходило формирование и утверждение доктрины Москвы [19, с. 152], а при Иване IV Васильевиче (1547-1584 гг.) состоялся исторический ритуал помазания русского царя, а не великого князя [49, с. 32].

С этого момента Русь стала Римом, а русский народ вошёл в христианскую православную имперскую политику, где каждое действие приобрело сoteriologicalический (спасительный) смысл. Управление в политическом смысле приобрело литургический характер, которое продлилось до патриаршества Никона (1605-1681 гг.), а после церковного раскола 1650-х гг. произошла секуляризация русской государственности [29, с. 44].

Литература

1. Андреева Л.А. Сакрализация власти в истории христианской цивилизации. Латинский Запад и православный Восток. М., Ладомир, 2007. - 304 с.
2. Аристотель. Политика. Сочинения в 4-х томах. - М., Мысль, Т.4, 1983. - 830 с.
3. Аристотель. Политика. Афинская полития. - М., Мысль, 1997. - 458 с.
4. Багрянородный К. Об управлении империей. - М., Наука, 1991, 496 с.
5. Бакулов В.Д. Доктрина Филофея Псковского «Москва – третий Рим» как видообразование положительной утопии // Научная мысль Кавказа. – 2002. - № 15. С. 18-28.
6. Богословский М.М. Петр I: Материалы для биографии. Т. 2. – М., ОГИЗ, 1941. - 847 с.
7. Бодрова Е.В. Когниции вербального самопредъявления в дискурсе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2010. – Вып. 2. - С. 102-104.
8. Болотов В.В. К вопросу о Filioque. - СПб.: Тип. М. Меркушева, 1914. - 138 с.
9. Будрайтскис И. Что удерживает «катехон»? Конечность государства в консервативной и социалистической мысли // Философия. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. - Т.5. - №2. С. 13-33.
10. Бульман Р. История и эсхатология. Присутствие вечности. - М., Канон+, 2012. - 208 с.
11. Буркин С. Интерпретация библейской эсхатологии в социально-историческом контексте // Вестник Томского государственного университета. История. - 2013. - Т.26 (36). - С. 107-111.
12. Внуков А.А. К вопросу о причинах возникновения военного конфликта 442 года между гуннами и Восточной Римской империей // Tractus aevorum: эволюция социокультурных и политических пространств. - 2023. - № 10 (2). - С. 201-212.
13. Гизо Ф. История цивилизаций в Европе. - М.: ИД «Территория будущего», 2007. - 336 с.
14. Греков И.Б. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV-XVI вв. - М., Наука, 1984. - 288 с.
15. Греческая и латинская традиция об исхождении Святого Духа // Православие и католичество: от конфронтации к диалогу. / Сост. А. Юдин. - М., ББИ, 2005. - 596 с.
16. Григулевич И.Р. Папство. Век XX. - М., 1978. - 424 с.
17. Дагрон Ж. Император и священник. Этюд о византийском «цезарепапизме» / Под общ. ред. И.П. Медведева. - СПб.: Изд-во СПбГУ; Нестор-История, 2010. - 480 с.
18. Дмитриев И.С. Теологические ипостаси натуральной философии в эпоху Просвещения // Социология науки и технологий. – 2023. - Т. 14. - №2. - С. 41-60.
19. Дьяконов М. Власть московских государей. - СПб., 1889. - 221 с.
20. Ильин М.В. Translatio Imperii. Воспроизведение институционального наследия Рима // Политическая наука. – 2022. - №1. – С. 100-137.
21. Иосиф Флавий / Иудейские древности: [В 2 т.] (Классическая мысль). / Т. 2: О древности иудейского народа (Против Апиона): Кн. 13-20. - М.: Ладомир, 2002. - 612 с.
22. Йегер В. Теология ранних греческих философов. - СПб.: Владимир Даль, 2021. - 352 с.
23. Киященко Л.П., Голофаст А.В. Семиозис политического действия // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. – 2023. - Т. 39. - Вып. 3. - С. 531-543.
24. Козыякова Н.С. Отношения Церкви и государства в общественно-политической мысли Византии и России // Российский социально-гуманитарный журнал. - 2012. - №1. – С. 21-25.
25. Корсунский, А.Р., Гюнтер, Р. Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств. М., Изд-во МГУ, 1984. - 256 с.
26. Кузенков П.В. Военно-политическая элита в Римской и Византийской империи: этническая динамика (по данным происхождениям императоров) // История военной элиты. - 2024. - №1. - С. 54-74.
27. Кузенков П.В. Эволюция империи: от Древнего мира к Новому времени // Политическая наука. – 2022. - №1. - С. 80-99.

28. Кузнецов М.Н., Шайрян Г.П. «Симфония властей» как традиционная ценность отечественной государственности // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2024. - №1. - С. 150-173.
29. Кутузов Б.П. Церковная реформа XVII в.: трагическая ошибка или диверсия? // Церковь. – 1992. - №1. - С. 43-51.
30. Лебедев А.П. История разделения церквей в IX, X и XI веках. - СПб., Алетейя, 1999. - 308 с.
31. Левандовский А.П. Франкская империя карла Великого. «Евросоюз Средневековья». - М., Алгоритм, 2013. - 288 с.
32. Ливий Тит. История от основания города / Пер. под ред. В.М. Смирина и др. Т. 3. - М., 1989-1994. - 770 с.
33. Маккиавелли Н. История Флоренции. - СПб., Азбука-Аттикус, 2017. - 384 с.
34. Митрофанов П. История Австрии. Ч. 1: С древнейших времен до 1792 г. / П. Митрофанов. – СПб., Брокгауз-Ефрон, 1910. - 232 с.
35. Моммзен Т. История Рима. Т.1, Кн.1. - М., 2002. - 732 с.
36. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. М., Скрижаль, 2020. - 786 с.
37. Острогорский Г.А. Византийский император и иерархическое мироустройство // Русско-Византийский вестник. – 2018. - № 1. – С. 16-24.
38. Пеликан Я. Христианская традиция: история развития вероучения. В 2 т. Т.2. - М., 2009. - 376 с.
39. Пешков А.А. Богопознание и образование как христианский путь в сочинениях церковных писателей I-II вв. // Труды Нижегородской духовной семинарии. – 2024. № 3. - С. 104-120.
40. Подъяпольский С.С. Деятельность итальянских мастеров на Руси и в других странах Европы в конце XV – начале XVI века // Советское искусствознание. – 1986. - № 20. - С. 62-91
41. Полевой Л.Л. Очерки исторической географии Молдавии XIII-XV вв. - Кишинев, Штиинца, 1979. - 201 с.
42. Сардарян Г.Т. Значение II Ватиканского собора в контексте эволюции католической политической доктрины // Ценности и смыслы. – 2019. - № 3. - С. 23-33.
43. Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т.2. - М.: Русские огни, 1994. - 320 с.
44. Смирнов Е.И. История христианской церкви. - М., 2007. - 769 с.
45. Суворов Н.С. Византийский папа. Из истории церковно-государственных отношений в Византии. - М., Университетская типография в Страстном бульваре, 1902. - 160 с.
46. Суттнер Э.Х. Исторические этапы взаимных отношений Церквей Востока и Запада. - М., БИ, 1998. - 313 с.
47. Тойнби А. Дж. Византийское наследие России // Альма-матер. – 1996. - № 2. - С. 32-35.
48. Томпсон Э.А. Римляне и варвары: Падение Западной империи. - СПб.: Ювента, 2003. - 288 с.
49. Успенский Б.А. Царь и император: Помазание на царство и семантика монарших титулов. - М., Языки русской культуры, 2000. - 144 с.
50. Успенский Ф.И. История Византийской империи VI-IX вв. (из истории великих империй). - М., Мысль. - 827 с.
51. Элиаде М. Миф о вечном возвращении. - СПб., Алетейя, 1998. - 249 с.
52. Яркеев А.В. Катехон как теолого-политическая парадигма мирового порядка // Социологическое обозрение. – 2024. - Т. 23. - № 1. - С. 135-159.

References

1. Andreeva L.A. Sakralizaciya vlasti v istorii xristianskoj civilizacii. Latinskij Zapad i pravoslavnij Vostok. [The sacralization of power in the history of Christian civilization. The Latin West and the Orthodox East] M., Ladomir, 2007, 304 p. (In Russian).

2. Aristotel. Politika. Sochineniya v 4-x tomakh. [Politics // Essays in 4 volumes] M., Mysl, V.4, 1983, 830 p. (In Russian).
3. Aristotel. Politika. Afinskaya politiya. [Politics. Athenian Politics] M., Mysl, 1997, 458 p. (In Russian).
4. Bagryanorodnyj K. Ob upravlenii imperieji. [About the management of the empire]. M., Nauka, 1991, 496 p. (In Russian).
5. Bakulov V.D. Doktrina Filofeya Pskovskogo «Moskva – tretij Rim» kak videoobrazovanie polozhitelnoj utopii. [The doctrine of Philotheus of Pskov «Moscow – the Third Rome» as a speciation of a positive utopia]. Nauchnaya mysl Kavkaza, [Scientific thought of the Caucasus]. 2002, V. 15, pp. 18-28. (In Russian).
6. Bogoslovskij M.M. Petr I: Materialy dlya biografii. [Peter the Great: Materials for a biography]. V. 2, M., OGIZ, 1941, 847 p. (In Russian).
7. Bodrova E.V. Kognicii verbalnogo samopredyavleniya v diskurse. [Cognitions of verbal self-expression in discourse]. Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie [Bulletin of the Adygea State University, series 2: Philology and Art History]. 2010, pp. 102-104. (In Russian).
8. Bolotov V.V. K voprosu o Filioque. [On the question of Filioque] SPb.: Tip. M. Merkusheva, 1914, 138 p. (In Russian).
9. Budrajtskis I. Chto uderzhivaet «katexon»? Konechnost gosudarstva v konservativnoj i socialisticheskoy mysli. [What is holding the «catechon»? The finiteness of the state in conservative and socialist thought]. Filosofiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki, Philosophy [Journal of the Higher School of Economics]. 2021, V.5, V.2, pp. 13-33. (In Russian).
10. Bultman R. Iстория и эсхатология. Присутствие вечности. [History and eschatology. The Presence of Eternity]. M., Kanon+, 2012, 208 p. (In Russian).
11. Burkin S. Interpretaciya biblejskoj eschatologii v socialno-istoricheskem kontekste. Interpretation of Biblical Eschatology in a socio-historical context. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Iстория [Bulletin of Tomsk State University, History]. 2013, V.26, 36, pp. 107-111. (In Russian).
12. Vnukov, A.A. K voprosu o prichinax vozniknoveniyavoennyx konfliktov mezhdu gunnami i Vostochnoj Rimskoj imperieji v period pravleniya Bledy i Atilly. Vizantijskij klub: almanax [The Byzantine Club: the Almanac]. 2021, pp. 168-173. (In Russian).
13. Gizo F. Iстория цивилизаций в Европе. [The history of Civilizations in Europe]. M.: ID «Territoriya budushhego», 2007, 336 p. (In Russian).
14. Grekov, I.B. Omsanskaya imperiya i strany Centralnoj, Vostochnoj i Yugo-Vostochnoj Evropy v XV-XVI vv. [The Ottoman Empire and the countries of Central, Eastern and Southeastern Europe in the XV-XVI centuries] M., Nauka, 1984, 288 p. (In Russian).
15. Grecheskaya i latinskaya tradiciya ob isxozhdenii Svyatogo Duxa. [The Greek and Latin tradition of the exodus of the Holy Spirit]. Pravoslavie i katolichestvo: ot konfrontacii k dialogu. / sost. A. Yudin. M., BBI, 2005, 596 p. (In Russian).
16. Grigulevich, I.R. Papstvo. Vek XX. [The Papacy. The twentieth century]. M., 1978, 424 p. (In Russian).
17. Dagron Zh. Imperator i svyashhennik. Etyud o vizantijskom «cezarepapizme». [The emperor and the priest. A study on Byzantine «Caesarepapism»]. Pod obshh. red. I.P. Medvedeva. SPb.: Izd-vo SPbGU; Nestor-Iстория, 2010, 480 p. (In Russian).
18. Dmitriev I.S. Teologicheskie ipostasi naturalnoj filosofii v epoxu Prosveshheniya. [The Theological Hypostases of Natural Philosophy in the Age of Enlightenment]. Sociologiya nauki i texnologij, [Sociology of Science and Technology]. 2023, V. 14, V. 2, pp. 41-60. (In Russian).
19. Dyakonov M. Vlast moskovskix gosudarej. [The power of the Moscow sovereigns]. SPb., 1889, 221 p. (In Russian).

20. Ilin M.V. *Translatio Imperii. Vosproizvodstvo institucionalnogo naslediya Rima*. [Translatio Imperii. Reproduction of Rome's institutional heritage]. Politicheskaya nauka [Political Science]. 2022, V.1, pp. 100-137. (In Russian).
21. Iosif Flavij Iudejskie drevnosti: V 2 t. (Klassicheskaya mysli). [Jewish Antiquities: In 2 vols. On the Antiquity of the Jewish People (Against Apion)]. M.: Ladamir, 2002, 612 p. (In Russian).
22. Jeger V. *Teologiya rannix drevnih grecheskix filosofov*. [The Theology of the Early Ancient Greek Philosophers] SPb.: Vladimir Dal, 2021, 352 p. (In Russian).
23. Kiyashhenko L.P., Golofast A.V. *Semiozispoliticskogo dejstviya*. [Semiosis of political action]. Vestnik SPbGU, Filosofiya i konfliktologiya [Bulletin of SPbSU, Philosophy and Conflictology]. 2023, V. 39, I. 3, pp. 531-543. (In Russian).
24. Kozyakova N.S. *Otnosheniya Cerkvi i gosudarstva v obshhestvenno-politicheskoy mysli Vizantii i Rossii*. [Church-State Relations in the Socio-Political Thought of Byzantium and Russia] Elektronnyj zhurnal vestnik MGOU [The electronic journal bulletin of the Moscow State University]. 2012, V.1, pp. 21-25. (In Russian).
25. Korsunskij A.R., Gyunter R. *Upadok i gibel Zapadnoj Rimskoj imperii i vozniknovenie germanskix korolevstv*. [The decline and fall of the Western Roman Empire and the rise of the Germanic Kingdoms]. M., Izd-vo MGU, 1984, 256 p. (In Russian).
26. Kuzenkov P.V. *Voenno-politicheskaya elita v Rimskoj i Vizantijskoj imperii: etnicheskaya dinamika (po dannym proisxozhdeniyam imperatorov)*. [The Military and Political Elite in the Roman and Byzantine Empires: ethnic dynamics (according to the origins of the Emperors)]. Istoriya voennojelity [The History of the Military Elite]. 2024, V.1, pp. 54-74. (In Russian).
27. Kuzenkov P.V. *Evolyuciya imperii: ot Drevnego mira k Novomu vremeni*. The Evolution of the Empire: from the Ancient World to the New Time. Politicheskaya nauka, [Political Science]. 2022, V.1, pp. 80-99. (In Russian).
28. Kuznecov M.N., Shajryan G.P. «*Simfoniya vlastej*» kak tradicionnaya cennost otechestvennoj gosudarstvennosti. [«*Symphony of the Authorities*» as a traditional value of the national statehood]. Teologicheskij vestnik Smolenskoj pravoslavnnoj duxovnoj seminarii [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary]. 2024, V.1, pp. 150-173. (In Russian).
29. Kutuzov B.P. *Cerkovnaya reforma XVII v.: tragiceskaya oshibka ili diversiya?* [The Church reform of the XVII century: a tragic mistake or a diversion?]. Cerkov, Church 1992, V.1, pp. 43-51. (In Russian).
30. Lebedev A.P. *Istoriya razdeleniya cerkvej v IX, X i XI vekax*. [The history of the division of Churches in the IX, X and XI centuries]. Publ. SPb., Aleteja, 1999, 308 p. (In Russian).
31. Levandovskij A.P. *Franskaya imperiya karla Velikogo. «Evrosoyuz Srednevekov'ya»*. [The Frankish Empire of Charlemagne. «The European Union of the Middle Ages»]. M., Algoritm, 2013, 288 p. (In Russian).
32. Livij Tit. *Istoriya ot osnovaniya goroda*. [History from the founding of the city]/ per. pod red. V.M. Smirina i dr. V. 3. M., 1989-1994, 770 p. (In Russian).
33. Makkiaelli N. *Istoriya Florencii*. [The History of Florence]. SPb., Azbuka-Attikus, 2017, 384 p. (In Russian).
34. Mitrofanov P. *Istoriya Avstrii. Ch. 1: S drevnejshix vremenc do 1792 g.* [The History of Austria. Part 1: From ancient times to 1792]. P. Mitrofanov. – SPb., Brokgauz-Efron, 1910, 232 p. (In Russian).
35. Mommzen T. *Istoriya Rima*. [The History of Rome]. T.1, V.1, M., 2002, 732 p. (In Russian).
36. Novyj Zavet Gospoda nashego Iisusa Xrista. [The New Testament of our Lord Jesus Christ]. M., Skrizhal, 2020, 786 p. (In Russian).
37. Ostrogorskij G.A. *Vizantijskij imperator i ieraricheskoe miroustrojstvo*. [The Byzantine Emperor and the hierarchical world order]. Russko-Vizantijskij vestnik [Russian-Byzantine Bulletin]. 2018, V.1, pp. 16-24. (In Russian).
38. Pelikan Ya. *Xristianskaya tradiciya: istoriya razvitiya veroucheniya*. [The Christian tradition: the history of the development of the creed]. V.2. M., 2009, 376 p. (In Russian).

39. Peshkov A.A. Bogopoznanie i obrazovanie kak xristianskij put v sochineniyax cerkovnyx pisatelej I-II vv. Knowledge of God and education as a Christian path in the writings of Church writers of the I-II centuries. Trudy Nizhegorodskoj duxovnoj seminarii, [Proceedings of the Nizhny Novgorod Theological Seminary]. 2024, pp. 104-120. (In Russian).
40. Pod'yapol'skij S.S. Deyatel'nost ital'yanskix masterov na Rusi i v drugix stranax Evropy v konce XV – nachale XVI veka. [The activity of Italian craftsmen in Russia and other European countries in the late XV – early XVI century]. Sovetskoe iskusstvoznanie [Soviet Art History]. 1986, V.20, pp. 62-91. (In Russian).
41. Polevoj L.L. Ocherki istoricheskoy geografii Moldavii XIII-XV vv. [Essays on the historical geography of Moldavia of the XIII-XV centuries]. Kishinev, Shtiincza, 1979, 201 p. (In Russian).
42. Sardaryan G.T. Znachenie II Vatikanskogo sobora v kontekste e'volyuciij katolicheskoy politicheskoy doktriny. [The significance of the Second Vatican Council in the context of the evolution of Catholic political doctrine]. Cennosti i smy'sly' [Values and meanings] 2019, V.3, pp. 23-33. (In Russian).
43. Skurat K.E. Iстория Поместных Православных Церквей. [The History of the Local Orthodox Churches]. M.: Russkie ogni, 1994, V.2, 320 p. (In Russian).
44. Smirnov E.I. Iстория христианской церкви. [The History of the Christian Church] M., 2007, 769 p. (In Russian).
45. Suvorov N.S. Vizantijskij papa. Iz istorii cerkovno-gosudarstvennyx otnoshenij v Vizantii. [The Byzantine Pope. From the History of Church-state Relations in Byzantium]. M., Universitetskaya tipografiya v Strastnom bul'vare, 1902, 160 p. (In Russian).
46. Suttner E.X. Istoricheskie e'tapy' vzaimnyx otnoshenij Cerkvej Vostoka i Zapada. [Historical stages of mutual relations between the Churches of the East and the West]. M., BBI, 1998, 313 p. (In Russian).
47. Tojnbi A.Dzh. Vizantijskoe nasledie Rossii. [The Byzantine Heritage of Russia]. Publ. Al'ma-mater. 1996, V.2, pp. 32-35. (In Russian).
48. Tompson E.A. Rimlyane i varvary': Padenie Zapadnoj imperii. [Romans and Barbarians: The Fall of the Western Empire]. Publ. SPb.: Yuventa, 2003, 288 p. (In Russian).
49. Uspenskij B.A. Czar' i imperator: Pomazanie na czarstvo i semantika monarshix titulov. [Tsar and Emperor: The Anointing of the Kingdom and the semantics of royal titles]. M., Yazyki russkoj kul'tury', 2000, 144 p. (In Russian).
50. Uspenskij F.I. Iстория Византийской империи VI-IX vv. (iz istorii velikix imperij). [The History of the Byzantine Empire of the VI-IX centuries (from the history of the great empires)] Publ. M., Mysl', 827 p. (In Russian).
51. E'liade M. Mif o vechnom vozvrashhenii. [The Myth of Eternal Return]. Publ. SPb., Aletejya, 1998, 249 p. (In Russian).
52. Yarkeev A.V. Katexon kak teologo-politicheskaya paradigma mirovogo poryadka. [Catechon as a theological and political paradigm of the world order]. Sociologicheskoe obozrenie [The Sociological Review]. 2024, V.23, I. 1, pp. 135-159. (In Russian).